

Вечный 30В

Дмитрий СМОЛЕВ

Вот и свершилось давно ожидаемое — еще один большой художник земли русской получил свой персональный музей в центре столицы. Новоселье на Волхонке состоялось с существенной задержкой: ввод объекта в строй планировался еще год назад, а свои картины Илья Глазунов подарил Москве еще в прошлом веке, к 850-летию города.

Но долгое ожидание не разочаровало. Бывший Дом культуры и техники, в прежней жизни лишенный всяких архитектурных излишеств, превратился в роскошную усадьбу, где не стыдно демонстрировать наше культурное достояние. Мраморные лестницы и малахитовые колонны должны подчеркивать классичность автора, ложнорусские элементы декора — его приверженность корням. Экспозиция охватывает все периоды творчества мастера, начиная со студенческих штудий и заканчивая полотнами 2004 года производства. Население может теперь беспрепятственно припасть к этому источнику духовности. Конечно, первое время будут очереди на вход, так ведь приходится к глазуновским творениям без очереди несколько даже противоестественно. Ажиотаж — всегдашняя стихия художника, в которой он чувствует себя как рыба в воде. Однако и к музейной основательности тянулся он с давних лет. Соединение двух интенций дало нынешний результат.

Так пришел к завершению очередной этап противостояния Глазунова с властью. Народный художник СССР, ректор Российской академии живописи, ваяния и зодчества, член-корреспондент Академии художеств и прочая, и прочая никогда не уставал твердить о своей оппозиционности антинародным режимам — что коммунистическому, что псевдодемократическому. Многометровые полотна вроде «Мистери ХХ века» и «Рынка нашей демократии» вопиют о гнусной сути всего, что происходило и происходит в стране после 1917 года. Пафос го-

ворухинских кинопроизведений «Россия, которую мы потеряли» и «Так жить нельзя» довернут у Глазунова до полной истерики, переходящей в завывание. И надо же — власти предпочитают не только терпеливо сносить все филиппики, но и продолжают благодетельствовать. В подвале картинной галереи с гордостью демонстрируются хроникальные фотографии, на которых художник в компании не только с монархами и кинозвездами, но и с фигурами вроде Пал Пальча Бородин. Тут же представлены фрагменты интерьеров Большого Кремлевского дворца, подряд на создание которых был получен Глазуновым в пору наивысшего расцвета «ельцинской клики». Думаєте, истинные патриоты уличают художника в двурушничестве? Ничего подобного, восхваляют на все лады. Тактическое чутье редко подводит Илью Сергеевича: десятилетиями предстать в глазах общества гонимым и принципиальным, извлекая из такого положения максимальные выгоды, — особый талант, почти что собственно живописного.

Не сливаться, не отождествляться с властью, но всегда быть около — вот золотое правило. Забудьте примитивное, обывательское рассуждение: мол, не следует кусать руку, которая кормит. У большого художника другая игра, игра в независимость. Иначе не снискал всенародной любви, да и государственная элита быстро перестает ценить чересчур сервильных. Даже сладкоголосый Александр Шиллов, теперешний сосед маэстро по музейному кварталу, интуитивно это чувствует и наряду с парадными портретами выставляет у себя в галерее изображения нищих и инвалидов. Но Глазунов всегда был смелее, рисковее, что ли. Он не только с полотном обрушивает праведный гнев на всех, кто причастен к позору Отечества, но и часто дает многочисленные интервью на ту же тему, даже автобиографическую книгу озаглавил «Россия распятая». Если уж исполнять патриотическую симфонию, то на всех регистрах.

Провоцируя вокруг себя полемику, Глазунов не напрасно акцентирует идейную и социальную грани своей деятельности. Переводить разговор на рельсы обсуждения ху-

дожественных достоинств ему явно не с руки. Сам художник называет свое творчество антагонистичным соцреализму, но чем дальше, тем заметнее, что в части ходульной плакатности и вымученности композиций глазуновские описи оставляют далеко позади шедевры советской наглядной агитации. В ранних работах, когда еще не срослась с лицом маска певца обычаев старины и обличителя антинародных заговоров да и высочайших заказов было поменьше, у него проглядывают пластические способности и некоторая склонность к меланхолическому лиризму. Но оценить размер дарования не представляется возможным, потому что с определенного момента Глазунов забросил все попытки постичь сверхприроду образности. Слово «мистика» осталось лишь в названиях его картин, которые от года к году становились все утилитарнее и спекулятивнее. Уже в цикле «На поле Куликовом», особенно трепетно любимом массами, почвенническая конъюнктура 70-х превалирует над озабоченностью проблемами мастера. Про более поздние описи и говорить нечего — здесь сплошная эклектика и колористический беспредел. Глазунов безоглядно

Десятилетиями представлять в глазах общества гонимым и принципиальным, извлекая из такого положения максимальные выгоды, — особый талант, почти что собственно живописного

профанирует многие основы изобразительного искусства, не забывая раздавать оплеухи модернистам и авангардистам, которые будто бы рисовать не умеют.

Расчет оказался верен. Кому интересны профессиональные вопросы? Истеблишменту — в послед-

нюю очередь. Ранг деятеля культуры Глазунов с младых ногтей предпочел скромному званию просто художника. Именно такие фигуры усиленно пропагандируются и музеефицируются нынешними московскими властями. Специфическое меценатство едва ли повлия-

ет на представление потомков о современном русском искусстве, но на их представление о вкусах сегодняшней власти повлияет наверняка. Все говорят о смене элит, но эстетические предпочтения остаются неизменными. Глазунов их во многом символизирует.

